Е.Я. ДЖАББАРОВА
(Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург. Россия)

УДК 821.161.1-1(Цветаева М.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

МЕСТОИМЕННАЯ ИГРА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. В статье рассматривается местоименная игра в ранней лирике Марины Цветаевой. Прослеживаются движение поэтической личности и онтологические законы ее поэтического мира. Рассматриваются местоименные формы, характерные для раннего периода творчества. В ходе анализа выделяются некоторые модели местоименной игры, к которым мы относим модели «Я», «я – ты», «я – Вы». Материал помогает в перспективе проследить связь раннего и позднего периодов творчества.

Ключевые слова: Марина Цветаева, поэзия серебряного века, ранняя лирика, местоименная игра, диалог

Марина Цветаева, бесспорно, принадлежит, воспользуемся ее определением, к «поэтам с историей», то есть поэтам, ощутимо менявшимся на протяжении своего творческого пути. Исследование местоименной игры в раннем творчестве М. Цветаевой может прояснить как движение ее поэтической личности, так и онтологические законы ее поэтического мира.

Думается, для того, чтобы войти в мир любого поэта необходимо понять его слово, но не менее важно понять и слово «отсутствующее». Говоря о местоимениях, таким «отсутствующим» словом можно назвать «мы», по крайней мере, в ранней лирике. Цветаева приходит в поэзию изначально с громко названным именем Марина и словом «я». Лишь в 1910 году проговаривает: «Люди, поверьте: мы живы тоской!» [Цветаева 1992: 35]. Однако и здесь первичней обращение поэта, его голос. Цветаева никогда не соотносит себя с толпой, скорее напротив – противопоставляет. Любая коллективность ей не свойственна, только монолог и диалог: «Послушайте! – Еще меня любите / За то, что я умру!» [Шевеленко 2002: 92]. Поэт обращается к читателю, зрителю, прохожему и ищет слуха: «Прохожий, остановись!», «К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,/ Чужие и свои?!) /Я обращаюсь с

требованьем веры / И с просьбой о любви.», «Вы, чьи широкие шинели / Напоминали паруса» [Цветаева 1991: 52].

Показательно, что категория «я» присутствует у М. Цветаевой всегда, но раскрывается во многом в диалоге. Другими словами, ощущение себя в мире становится возможным через отражение в другом, в разговоре. При этом Другой не становится более значимым, чем поэт. Иногда ее «я» оказывается скрытым в тексте, но вполне узнаваемым через глагольные формы: «Посвящаю эти строки / Тем, кто мне устроит гроб» [Цветаева 2013: 18]. Диалог в ранней лирике намеренно «повернут» не на адресата, но на себя, даже в стихотворении, в котором жанровое обозначение вынесено в заглавие и предполагает совершенно особый тип соотношения «Я – ты» – «Молитва»: «Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь, сейчас, в начале дня!» [Цветаева 1991: 36]. Бог становится собеседником поэта, стихотворение – разговором душ, и главным в нем – не рассуждающая жажда чуда. Принципиальна сама интонация в обращенности поэта к Богу: абсолютное осознание собственного голоса и постоянный слух к самой себе будет свойственен Цветаевой и в поздней лирике.

Интересно, что Цветаева-ранняя иногда заведомо, заранее говорит «ты», и лишь в обиде или недосягаемости – «Вы»: «Ты мудрый, Ты не скажешь строго: / – «Терпи, еще не кончен срок». / Ты сам мне подал – слишком много! / Я жажду сразу – всех дорог!» [Цветаева 1991: 36]. «Вы» для нее – это книги, это впоследствии Сергей Эфрон, Байрон, Рильке. Это будут люди, исторические события, даже природа, но это «Вы» всегда то, до чего поэт может дотянуться рукой. В обращении к «ты» для Цветаевой нет времени, условностей и границ: «Мимо окон моих – бесстрастный – / Ты пройдешь в снеговой тиши, / Божий праведник мой прекрасный, / Свете тихий моей души» [Цветаева 2013: 53].

«Ты» в данном случае, как раз становится средством передачи всеобщего и глобального через индивидуализацию: «Из рая детского житья / Вы мне привет прощальный шлете, / Неизменившие друзья / В потертом, красном переплёте»; [Цветаева 2013: 82]. «Я думаю об утре Вашей славы, / Об утре Ваших дней, / Когда очнулись демоном от сна Вы / И богом для людей»[Цветаева 1991: 51]; «Вечерние поля в росе, / Над ними – вороны… / – Благословляю Вас на все / Четыре стороны! [Цветаева 1991: 62]; «Я полюбила Вас, / Анна Ахматова» [Цветаева 1991: 62];

Каждый раз ощутима интонация личного послания, в котором Цветаева раскрывается сама. Это может быть послание к возлюблен-

ному, к умершему поэту, к своему идеалу, даже к неодушевленному предмету, но каждый раз она посредством другого раскрывает новую грань себя.

Все становится для поэта индивидуальным: "праведник мой»," "вы мне <…> неизменившие друзья", тем самым индивидуализируется как обращение к адресату, так и сам адресат. В том числе и чувство, которое изначально принадлежит только поэту. Это может быть благословление, любовь, восхищение, но именно чувство первичнее подчас объекта или субъекта, на которое оно направлено. Примечательно, что даже в обращении к Анне Ахматовой первично «Я»: "я полюбила".

Исследователь Е. Фарино отмечает, что у Цветаевой" имеет место не деперсонализация, а наоборот – обретение абсолютной Личности, абсолютной тождественности самому себе" [Фарино 2004: 153].

Главное противопоставление Цветаевой: «я – ты», и лишь иногда «я – Вы». Обращение к "Вы" не так частотно в лирике, сколько в письмах, но и в том и в другом случае обращение не просто подчеркивает отношение поэта к Другому, но и становится формой осознания поэтом самого себя, способностью осознать собственную значимость и тем самым сократить дистанцию к адресату. Финал стихотворения «К Байрону» еще раз убеждает в том, что поэт причисляет себя к недосягаемому: «Я думаю еще о горсти пыли, / Оставшейся от Ваших губ и глаз… / О всех глазах, которые в могиле. / О них и нас» [Цветаева 1991: 51].

Тем самым, недосягаемость становится двоякой, с одной стороны, она изначально заявлена поэтом, с другой, опровергается им. Порой «Вы» становится знаком расстояния, признаком чужого, близость уходит, и «ты» сменяется «Вы», как в стихотворении 1913 года:

Идите же! – Мой голос нем,
И тщетны все слова...
...И не оспаривает Вас Высокородный стих.
Вы можете – из-за других –
Моих не видеть глаз,
Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуять сил... [Цветаева 2013: 22]

Отточие становится тем самым переломным моментом, где героиня срывается с «Вы» на «ты», позволяет себе слабость памяти. Здесь важно то, что Цветаевой свойственна еще одна модель

отношений: сама семантика перехода от «ты к Вы» и от «Вы к ты»: «Какого демона во мне / Ты в вечность упустил!» [Цветаева 2013: 22].

Часто Марина Цветаева обращается к третьему, постороннему, проходящему или встреченному. Как в стихотворении 1909 года «Идешь на меня прохожий». «Прохожий» и «чужой», в конечном счете, становится «своим», и поэт переходит от отстраненного к излюбленному «я – ты»:

Идешь, на меня прохожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их отпускала – тоже!
Прохожий, остановись!...
...Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли…
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли. [Цветаева 1991: 49]

Сам поэт не отрицает своей всеобращенности и всеповернутости к миру, в стихотворении 1913 года: «К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры), / Чужие и свои?!». Это может быть связано «с выходом из замкнутого круга размышлений о смерти» после реальной смерти отца Цветаевой в 1913 году, возникает тема «таланта жизни» (Юношеские стихи) [Шевеленко 2002: 83].

«Я» при этом не только утверждение себя, как поэта, но и всеобщность, постоянный переход от частного к общему. В лице конкретного человека поэт может видеть всеобщность какого-либо явления, качества, каким становится рыцарство, смелость, любовь. Соответственно, и сам поэт за собственным "я" прячет глобальность чувства или явления, а не только отношение: «В его лице я рыцарству верна, / И – Всем вам, кто жил и умирал без страху! – / Такие – в роковые времена – / Слагают стансы – идут на плаху [Цветаева 1991: 56].

Итак, можно говорить о нескольких моделях местоименной игры в лирике ранней Цветаевой:

- Утверждение «я» как голоса, как самобытного и самоценного ощущения себя как поэта («Что и не знала я, что я – поэт»). Постоянное подчеркивание своей индивидуальности и позиции относительно всего мира, Цветаева ищет себя во всех явлениях и потому ощущает потребность обозначить себя.
- Соотнесенность «я» и «ты», пожалуй, одна из важнейших для ранней лирики, вечный и открытый диалог. Познание поэтом себя не

завершается исключительно на собственном видении, для этого необходимо чувство, объектом которого становится Другой. Именно чувство становится завершающей фазой в познании мира поэтом, его зеркалом.

- «Я» и «Вы», между которыми всегда возможен диалог и именно поэтому поэт склонен к категории «Вы». Отличие этой модели от предыдущей в том, что дистанция здесь может серьезно разнится. Восхищение и мнимая временами недосягаемость или же напротив – неприятие и невозможность любого диалога.
- Всеобращенность «Я», что появляется в поздней лирике. Поэт уже вырастает и под местоимением "я" может оказаться чувство, состояние, ощущение, а не только конкретный человек. Соответственно, и Другой воспринимается поэтом как что-то большее, чем просто человек или собеседник.

Думается, местоименная игра в ранней лирике поэта позволяет нам не только выделить основные модели, по которым выстраиваются отношения Цветаевой с миром и с людьми, но в перспективе проследить связь раннего и позднего периода творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери/ Под ред. Н.Н. Глущенковой. – 2-е изд. Калининград, 2001. – 650 с.

Ежи Фарино "Введение в литературоведение": Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.

Марина Цветаева. Микрокнига – Харьков: "Фолио" 2013. – 126 с.

Марина Цветаева. Стихотворения. Поэмы. [Электронный ресурс]. 1996. URL: http://rupoem.ru/cvetaeva/iz-raya-detskogo.aspx (дата обращения: 14.10.2014).

Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1991. – 528 с.

Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. О. А. Скриповой